

ТАК И БУДЕТ!..

ЗНАЕТЕ ЛИ ВЫ, уважаемый читатель, почему актер перед началом спектакля заглядывает в зрительный зал через дырочку в занавесе? Он хочет узнать, кто сегодня будет его **главным партнером** в спектакле. Ибо волшебство театрального искусства не может состояться без этого живительного, взаимообогащающего творческого контакта со зрителем. Если его нет, не спасут спектакль ни изощренная режиссура, ни изобретательное и живописное оформление, ни эффектная музыка. Спектакль мертв, если не внесло в него живые краски свои взволнованное и жаркое дыхание зала. Это оно вместе с невидимой энергией, излучаемой глазами сотен разных людей, влияет в наши актерские души эликсир особого рода бодрости, жажды удивительного сотворчества. Так было испокон веков, и в этом — бессмертие искусства актера и театра.

«Никакое перо, никакая кисть не изобразит и слабого подобия того, что мы тут видели и слышали, — писал один из идеальнейших зрителей прошлого века, увидевший игру Павла Мочалова в роли Гамлета. — ...Кровь леденела в жилах у зрителей, и все эти люди разных званий, характеров, склонностей, образований, вкусов, лет и полов, слились в одну огромную массу, одушевленную одною мыслию, одним чувством... **стона, слушали мы...** И так-то шло целое представление». Да, слова эти принадлежат В. Белинскому. В них мы ощущаем ту высокую температуру зрительского восприятия, которое и помогало великому русскому трагику, переживая свои «звездные часы» подъема творческого духа, создавать на сцене бессмертный образ Шекспира.

Что и говорить, каждый из нас, актеров, всегда мечтает о своем «звездном часе», о полном слиянии с чутким и тонко понимающим, глубоко чувствующим зрительным залом. Увы, это бывает не всегда: чаще всего в этом повинен сам театр, то ли из-за слабости драматургии, то ли из-за поверхностности режиссерского решения, то ли из-за инертности, пассивности самих актеров, когда они не готовы к сотворчеству со зрителями. Процесс этот непростой. И недаром многие крупнейшие мастера театра на каждом спектакле всякий раз словно переживают творческий экзальзм.

Как блистательно сдавали его даже в легкой пьесе, почти водевиле Э. Скриба «Стакан воды» великие артисты Малого театра М. Ермолова и А. Южин! Приглашенная

Михаил ЖАРОВ,
народный артист СССР,
Герой Социалистического
Труда

на спектакль знаменитая актриса Александринского театра В. Мичурина-Самойлова, придя за кулисы, спросила Южина: «Что вы сегодня играете?» — «Как что? «Стакан воды», — удивленно ответил тот. «Нет, — возразила взволнованная гостья, — вы меня обманули: пригласили на «Стакан воды», а угощаете бокалом шампанского!..»

Волшебство общения артиста со зрителями не только дарит самые заветные минуты творчества, но излечивает от горестей и болезней, заставляет забывать о грузе прожитых лет. Крупнейший современный английский мастер сцены Майкл Редгрейв рассказывал о великой актрисе Эллен Терри, которая на пороге старости, почти слепая, спотыкаясь, осторожно направлялась к кулисам, но стоило ей только услышать реплику «на выход», как она поднимала голову, ослепительно улыбалась, сбрасывала с плеч свои годы, словно плащ, и, как бы танцуя, вступала на сцену. То же можно сказать и о великой русской актрисе А. Яблочковой: в 95 лет она прекрасно, с удивительным обаянием и жизнерадостностью играла в «Ярмарке тщеславия». Теккерей роль мисс Кроули. И как играла! Ее первое же появление на сцене зрители всякий раз встречали аплодисментами.

Я ПИШУ эти строки с глубокой благодарностью к зрителям, к верным партнерам, щедро дарящим нам свою любовь и красоту души. О том, что это самые необыкновенные зрители в мире, не раз мы слышали от приезжавших на гастроли к нам актеров разных стран. Каждый из нас убеждается в справедливости таких слов ежедневно. Вот и сейчас, когда, сыграв сцену в образе академика Воронцова в спектакле «Так и будет» по пьесе Константина Симонова, я сижу на диванчике один в просторной артистической комнате, сверкающей зеркалами и отраженным в них светом ламп, мысли мои тянутся к дорогим нашим зрителям. Прислушиваясь к доносящемуся из радиодинамика живому дыханию зала, к волнующим мелодиям и словам песен военных лет...

Военный корреспондент, писатель Константин Симонов на военных дорогах в междуречье Буга, Днестра и Прута заинтересовался надписями, которые встречались ему: «Дороги развед-

ны. Артемьев», «Мины разминированы. Артемьев», «Переправа наведена. Артемьев». И вот на правом берегу Прута он увидел насыпной холмик, под которым солдаты-саперы схоронили своего командира, майора Артемьева. Этот факт так взволновал, что писатель воскресил его в пьесе, изменив фамилию на Савельева, оставив многие другие подробности жизни героя, чья опасная и благородная работа сапера позволила раскрыть глубину и красоту его характера.

О том, как актуальна была эта пьеса, написанная по горячим следам, говорит и такой факт. В маленьком городке, освобожденном от фашистов, актеры играли симоновскую пьесу. Помните, в ее финале майор медицинской службы Анна Григорьевна Греч говорит: «Так и будет. Так вот вдруг распахнутся двери, и они вернутся...» — «Кто они?» — спрашивает Оля, дочь профессора Воронцова. «Они, с войны. Навсегда». И в этот момент в зрительном зале вспыхнул свет, распахнулась дверь и вошел военный с чемоданчиком в руке. Зрители устроили овацию, видимо, думая, что это удачная режиссерская находка, своеобразный контрапункт. А человек этот поднялся на сцену и сказал актрисе, исполнявшей роль Оли: «Маша!» Она вскрикнула, кинулась к нему плача. Они обнялись. Оказывается, возвращаясь после тяжелого ранения через этот городок, солдат, потерявший в военном лихолетье семью, думавший, что все родные его погибли, вдруг увидел на афише фамилию жены, актрисы. Он пришел к директору театра, когда спектакль уже начался, и тот упустил его дождя конца. Так сама жизнь, великий режиссер, неожиданно внесла свою поправку в тот спектакль...

ВСПОМИНАЮ и другое. Во время войны, пожалуй, в самые тяжелые ее годы, мы сняли фильм «Воздушный извозчик» — о героизме летчиков.

До сих пор помню необычную премьеру этой картины. Решили мы ее провести не в столичном кинотеатре, а на фронте. Выехали мы с актрисой Людмилой Целиковской и аккордеонисткой в район, где стояла тогда Первая воздушная армия. Роши, гора, ходы, проложенные под землей, маскировочные сетки. Поместили нас в землянке, поставили три койки: «Отдыхайте, товарищи, до темноты». В 11 часов ночи нас разбудили, и мы пошли ходами в импровизированный кинотеатр, помещенный в горе, огромное, человек на триста,

с экраном из сшитых простыней. Усадили нас в ложу, сбитую из досок. Трудно забыть, как принимали тогда фильм зрители, как волновали нас дыхание, смех зала.

А потом нас пригласили поужинать в землянку командующего армией М. Громова. И зашел интереснейший разговор о том, какую огромную роль играет искусство, какое это тоже важное оружие. О том, что мало, к сожалению, создаем мы кинокомедий, которые бы поднимали настроение, вызывали улыбку и давали бы энергию солдатам. Тогда-то они и подсказали нам свои темы кинокомедий. «Вот вроде бы незаметная по сравнению с другими военными делами служба людей на ложных аэродромах. А знаете, сколько человеческих жизней спасли эти скромные труженики, заставляя фашистские бомбардировщики сбрасывать свой смертоносный груз на фанерные макеты самолетов?» Они рассказывали о героизме летчиков, совершавших опаснейшие полеты к фронту на мирных «У-2». Летит такой самолетик «этакерка» над лесом, тук-тук, колесами чуть ли верхушек деревьев не касается, и потихоньку делает важное свое дело: доставляет грузы на фронт, а обратно — раненых. И не страшны ему «мессершмитты» и «фокке-вульфы», достать-то они его не могут: слишком низко для них летал «У-2». Так родились потом из этого разговора темы комедий «Беспокойное хозяйство» и «Небесный тихоход».

Встреча наша затянулась, и когда я взглянул на часы, стрелки показывали уже 4 часа утра. Нам неловко было задерживать наших гостей: хозяев: война, а мы тут разговоры ведем. А они улыбаются нам: «Посидите еще немного. Сегодня вам вряд ли уже удастся уснуть!». И точно, когда мы вышли из землянки, вдруг дрогнула и заколебалась земля, раскололось рассветное утро: оказывается, в тот день началось наше наступление на Смоленск. Семь дней мы были в армии, выступали перед бойцами, продвигались с ними по родной освобожденной земле, воочию видели, как драпали фрицы с насиженных мест, бросая награбленное добро, чемоданы, тряпки, велосипеды и оставляя березовые и осиновыя кладбища.

Не могу забыть, как однажды после ночного киносеанса ко мне подошел человек: «Товарищ Жаров, разрешите с вами познакомиться. Я и есть тот самый Баранов, «воздушный извозчик», которого вы играете в кино». Оказывается, где-то в Одессе он встретил писателя Евгения Петрова, рассказал ему свою историю, она и легла в основу сценария фильма «Воздушный извозчик». Сфотографировались мы тогда с

ним «на память». И храню я бережно эту старую, дорогую мне фотографию как священную реликвию.

Мы выступали тогда, не щадя своих сил. Падали от усталости. Но отказываться было просто нельзя. Позвали однажды нас в госпиталь к летчикам. Сначала выступили перед легкоранеными. Потом главврач говорит, что тяжелораненые тоже просят. Когда выступили там, главврач вновь обратился к нам: «Уж не знаю, как вас и просить... Есть у нас тут один обгоревший летчик. Мы, медицина, бессильны что-либо сделать. У него нет желания жить, ни на что не реагирует. Может, вы сумеете вдохнуть в него желание жить, а?» И вот я вижу перед собой только синие глаза в узкой щели-амбразуре среди марлевых бинтов. Отсутствующие, безразличные. «К вам приехал Михаил Иванович Жаров», — говорит главврач. В глазах — никакой реакции, они были мертвые. У меня сердце захолонуло. Я остался один на один с этими глазами. Был у меня тогда в репертуаре смешной рассказ В. Карповской о «тете Клепе»; где бы я ни выступал, всегда зрители требовали прочитать «тетю Клепу». И вот я читаю этот рассказ, а глаза молчат, не помогают мне. Знаете, актеру иногда снятся «кошмары»: то роль забыл, то зал вот такой же равнодушный, холодный, пустой... Это ужасно — полный провал! Тут было нечто похожее. И вдруг я вижу: что-то стало оттаивать в синеве немых глаз, и вдруг дрогнули зрачки, улыбнулись мне и выкатились скупая слеза. Вот она, дорогая цена улыбки! И, растроганный главврач сказал мне потом: «Михаил Иванович, это чудо, на которое способно только искусство...».

Я был так взволнован, что не спросил тогда фамилии этого летчика, не знаю его дальнейшей судьбы. Но я на всю жизнь запомнил этого единственного моего зрителя. Более того, когда мне бывает трудно, вновь и вновь заставляю оживать в своем воображении его глаза в марлевой амбразуре. Пусть не сердятся на меня многие мои зрители, которые дарили мне счастье сотворчества, но до сих пор самым дорогим для меня остается тот летчик.

...Так и должно быть! Так и будет навеки! Спектакли, сохраняющие и воскрешающие каждый вечер героическое минувшее, переживает, страдающее, призывают живущих ныне быть достойными жизни и дел тех, кто подвигом обессмертил себя. И о них я думаю в этот предновогодний вечер. Думаю, что не в одной семье люди поднимут бокалы в честь тех, кто ковал Победу. И это будет не только в нашей стране!..